

Д

ля нашего поколения он был, несомненно, человеком легендарным. Дважды Герой Советского Союза, контр-адмирал, доктор географических наук, отважный полярник, покоривший Северный полюс — Иван Дмитриевич Папанин. И биография у него была типичной для выходца из народа: родился в бедной крестьянской семье, в 12 лет пошел работать учеником токаря. В 1915 году был призван на военную службу на Черноморский флот. С декабря 1917-го — на стороне Красной гвардии, боец Крымской повстанческой армии. В годы гражданской войны работал комендантом Крымской ЧК.

Встреча с таким человеком, конечно же, стала приметным событием в моей жизни, запомнившимся навсегда и до мельчайших деталей. Мне посчастливилось общаться с Иваном Дмитриевичем Папаниным в течение нескольких месяцев в ГДР, в городе Висмаре, где я тогда работал. А он приехал сюда по заданию правительства и руководства Академии наук СССР для приемки научно-исследовательского судна «Академик Курчатов», строящегося на местных верфях.

И этот его приезд начался со скандала. Будучи человеком неподкупным, принципиальным и с обостренным чувством правды, Папанин очень скоро на строящемся судне выявил

столько недостатков и на такую сумму (более 15 миллионов марок), что не только корабель, но и местные власти оказались в шоке. На устранение недочетов потребовалось бы немало времени, что, естественно, привело бы к росту этой суммы за счет пени. Местные власти всячески пытались оправдаться и даже ублажить непреклонного ревизора, но встретили лишь абсолютную неприступность человека, для которого интересы Родины были превыше всего. Пришлось докладывать руководству ГДР о предстоящем ударе по госбюджету, после чего генеральный секретарь СЕПГ Вальтер Ульбрихт вынужден был просить Москву умерить пыл председателя государственной комиссии.

Я был свидетелем того, как ему позвонил президент Академии наук СССР и убедительно просил закрыть глаза на некоторые мелкие недостатки, чтобы не разорять дружественную нам страну. Иван Дмитриевич с трудом шел на уступки, и не потому, что опасался будущих обвинений за верхоглядство при приемке судна. Просто он ясно представлял, какие дополнительные расходы понесет наша страна, тратя деньги на устранение недоделок. В беседе со мной он рассказал о своей встрече с бургомистром Висмара.

— Я ему в глаза сказал, что сожалею, что не взял с собой свой четырнадцатизарядный маузер...

На мое замечание, что его язык весьма далек от дипломатического (все-таки союзная нам страна), Иван Дмитриевич заметил:

— Откровенно говоря, братишка (это было его любимое обращение. — *А.Н.*), я не исключаю, что здесь дело имею только с непрофессионализмом? Тут и вредительством попахивает. Среди этих корабелов вполне могут быть и притаившиеся недобитые гитлеровцы? Да они никогда не простят нам своего поражения, сколько раз были биты, а в уме все равно «дранг нах остен» держат.

Переубедить его было архисложно, поэтому заговорили о другом.

— Иван Дмитриевич, насколько я осведомлен, вы в гражданскую были комендантом Крымской ЧК. Уж тогда наверняка ваш маузер не бездействовал, — спросил я.

— Братишка, а там вопрос стоял так: кто первым выстрелит. Если бы я где-то чуток проморгал, то мое брэнное тело крымские черви давно бы уже съели, — с пафосом заговорил Папанин, похоже, возбужденный воспоминаниями о давних огненных днях. Ведь последняя победная точка в той братоубийственной войне была поставлена как раз в Крыму.

А мне в связи с этим вспоминаются светловские строки:

Не дам свою Родину вывести
за простор чужеземных морей...
я стреляю, и нет справедливости —
справедливее пули моей...

Значит, на самом деле в жизни бывают все-таки ситуации, когда справедливость утверждается только пулей.

С Папаниным мы беседовали на самые разные темы. В первую очередь — о зимовке на полюсе, о том, кому принадлежала идея формирования экспедиции, о задачах, стоявших перед ней, ну и, конечно же, о его встречах со Сталиным. Напомню, что эти беседы были вскоре после XXII съезда партии, где окончательно был развенчан культ личности вождя. Нужно сказать, что «окончательно» — в основном на бумаге, поскольку в сознании многих наших сограждан такие съездовские оценки не получили однозначного признания и тем более одобрения. Это — мягко говоря.

Иван Дмитриевич рассказывал, что идея воздушной экспедиции на Северный

полкус принадлежала О.Ю. Шмидту. Активно поддержал его знаменитый полярный летчик М.В. Водопьянов. Задачи определялись обширные: изучить гидрологический режим вод и течений, дрейф льдов, синоптические процессы, просчитать долгосрочные прогнозы ледовой обстановки. Все это делалось в интересах успешного освоения Северного морского пути. В полном объеме результаты проведенной работы были оценены уже в годы Великой Отечественной войны, поскольку именно Севморпуть обеспечил бесперебойную поставку военной техники и продовольствия по ленд-лизу.

— После утверждения плана воздушной экспедиции на Северный полюс на заседании Политбюро была создана комиссия по наблюдению за ее подготовкой, которую возглавил А.И. Микоян, — рассказывал Папанин. — О степени ответственности должностных лиц тех лет можно судить по тому, что не было ни дня, чтобы Анастас Иванович не интересовался этим вопросом.

— А какова была техническая оснащенность экспедиции? — спросил я.

В ответ Папанин снял свой темно-синий бостонский пиджак, согнул в локте правую руку и показал на бицепс:

— Вот где была сосредоточена вся техника. Чтобы опустить нужную аппаратуру на глубину до 4 тысяч метров, а затем поднять, мы по несколько часов вручную крутили лебедку. У нас не было элементарного двигателя, и мы в течение 9 месяцев не видели света электрической лампочки. А сколько раз все грузы перетаскивали с места на место! Ведь не все знают, что тогда в свирепые холода мы жили в неотапливаемой палатке или в снежном домике.

— Что же вам помогло переносить такие трудности и лишения?

— Тут двух мнений не должно быть — только стремление принести пользу Родине и прославить ее. Вы не забывайте, что на Северном полюсе мы первыми проживали столь длительное время.

— В те годы не только для нас, пацанов, но и для всего советского народа вы были настоящим героем-полярником. Хорошо помню, как все восторгались вашим мужеством, стойкостью и оптимизмом. Ваш портрет был даже на обложке ученической тетради... А как вас встречала Москва после экспедиции! Улицы, по которым вы ехали, были завалены листовками. Кажется, что вся столица вышла вас приветствовать...

— Да, встречали нас как героев, хотя мы сами пережитые на полюсе трудности и риски на героизм не переводили...

Сейчас можно сколько угодно чернить прошлое нашей Родины, но бесспорным остается факт, что для миллионов и миллионов подростков страны Советов образы П. Корчагина, В. Чкалова, героических челюскинцев, полярников, прежде всего, И. Папанина, М. Водопьянова, служили образцом для подражания. На их примере воспитывалось не одно поколение. Молодые люди стремились быть похожими на них, потому что эти люди были искренними патриотами, готовыми в любой момент пожертвовать собой ради интересов Родины. В этом отношении нынешнее поколение молодежи живет куда более обедненной жизнью и, по сути дела, без высоких идеалов. Им, говоря словами поэта, «не с кого делать жизнь». Представляется, что мы сегодня в полной мере пока еще недооцениваем, какой бедой это может отразиться на будущих судьбах России.

Касались мы и «сталинской» темы. Мне она была интересна не потому, что от знатного государственника можно было услышать дифирамбы в адрес вождя, а по возможности узнать какие-либо новые детали из его жизни и его окружения.

— Несколько встреч было со Сталиным, — вспоминал Папанин. — По возвращении с Северного полюса, в том числе и на даче у него. Но более частыми они были в первые месяцы войны. Иногда Сталин сам мне звонил...

— Иван Дмитриевич, перестало говориться, но когда началась война, Сталин был как бы в состоянии прострации — настолько, дескать, испугался и растерялся.

— Это чушь несусветная. Ничего глупее Хрущев и придумать не мог. Вот вам только один пример. В связи с моими не совсем продуманными действиями при тушении немецких зажигательных бомб (Папанин сам поднимался на крыши домов. — А.Н.) Сталин лично позвонил мне и как следует отчитал. Если бы он находился, как вы говорите, в состоянии прострации, наверное, ему не до Папанина было бы... В последний раз Сталин вызывал меня на ковер за то, что я отступил от утвержденного им плана переброски группы летчиков в Америку за самолетами, — продолжал Иван Дмитриевич. — Предлагалось через Шпицберген, а я решил переправить их через Аляску. Я рассчитал, что через Аляску более безопасно было лететь. Кстати, затем и американские самолеты летели к нам по этому маршруту... Встретил меня Сталин явно недружелюбно, и разговор начал с крутого вопроса: «А по какому это праву вы, товарищ Папанин, отступили от утвержденного плана операции?» — спросил он, чуть-чуть помахивая трубкой.

— Товарищ Сталин, задание же выполнено.

— Я вас, товарищ Папанин, спрашиваю, почему вы отступили от утвержденного плана? — уже с металлом в голосе повторил он свой вопрос.

Мне же ничего не оставалось, как вновь сказать, что задание выполнено.

— Это хорошо, что задание выполнено, но порядок есть порядок, и впредь подобного не допускайте...

Критикуя, Сталин тем не менее доверял мне. Только этим могу объяснить его решение направить меня уполномоченным Государственного комитета обороны в Архангельск, чтобы подготовить порт к приему грузов от союзников. Работавший там до меня товарищ с этой задачей не справился.

— Иван Дмитриевич, но вы ведь никак не можете отрицать массовые репрессии при Сталине. Человек он был жестокий.

— Я не буду говорить о репрессиях в 36–38 годах: о них много сказано. Что же касается революции и гражданской войны, то вопрос там стоял остро, как бритва: кто кого. Об этом вы знаете только из учебников, а я — по жизни. Да, я расстреливал, когда был комендантом КрымЧК. Вы скажите, а сколько большевиков и лиц, сочувствовавших советской власти, было расстреляно в эти годы в Крыму. Может быть, необоснованными назвать и репрессии в отношении некоторых белых генералов, которые приказывали «расстреливать коммунистов, комиссаров и евреев на месте без суда и следствия»? Ошибки, конечно, допускались, но ты, братишка, не можешь отрицать, что тогда наша страна была в окружении враждебных нам государств, откуда забрасывались шпионы, диверсанты и вредители. Наши враги делали все, чтобы свергнуть советскую власть.

— Иван Дмитриевич, я по архивным документам знаю, что по десять лет давали за антисоветский анекдот... Первое архивное дело, которое рассматривал в 1957 году в Томском управлении КГБ, меня поразило до глубины души. В компании женщина, преподаватель техникума, рассказала анекдот, по которому один человек стреляет из пистолета в лоб Сталину. Похоже, среди слушателей был и агент органов, который и сообщил своему куратору об этом факте. Через неделю ее арестовали, а еще неделю спустя ей дали 25 лет лагерей. Я думаю, что ее не расстреляли только потому, что она была женщиной. Случилось это сразу после войны, когда авторитет вождя был весьма высок. Да, она поступила бестактно и безнравственно, ведь знала о теплом отношении к Сталину большинства нашего народа, но давать 25 лет за анекдот — это выше здравого смысла...

— Не болтай лишнего, — перебил меня полярник. — Зачем поносить свою власть и своих руководителей, пусть этим занимаются наши враги, а ты, гражда-

нин страны Советов, должен поддерживать эту власть, а не хаять. Нет в мире государства, в котором всем живущим там лицам нравилось бы правительство.

— Но Хрущев в своем докладе на съезде приводит многочисленные факты необоснованных репрессий...

— Ты, братишка, должен хорошо знать, какими мотивами Хрущев руководствовался, обливая грязью вождя. Во-первых, он был обижен на Сталина за то, что тот не удовлетворил его просьбу по освобождению сына от ответственности за совершенное преступление. Далее он не мог простить и те унижения, которые испытывал, исполняя по просьбе Сталина хохлацкие пляски во время приемов на даче. Там Хрущев играл роль шута. Ну а главное, ему надо было так обмарать Сталина, чтобы на его фоне самому выглядеть достойно, хотя у него самого руки по локоть в крови... Сталин был разным — и строгим, и требовательным, а порой и беспощадным к нечестным людям, но мог быть внимательным и чутким. Я на всю жизнь запомнил, когда на банкете в честь полярников, куда по личному распоряжению Сталина втайне пригласили моего отца, он подошел к нам с отцом и при всех нас обнял. Неужели вы думаете, такие вещи забываются?..

Всю вину за репрессии ваяют на Сталина, но беззаконие творили и другие лица. Вот однажды на ужине на даче у Сталина ко мне подошел Лаврентий Берия и с ехидной улыбкой говорит: «А мне известно, товарищ Папанин, что вы вместе с Поскребышевым (Поскребышев Александр Николаевич длительные годы был руководителем секретариата Сталина. — А.Н.) по девочкам шастаете...» Выходит, что он следил за мной, как за возможным врагом народа, и я не думаю, что это подлое дело он совершал по указанию Сталина...

Мой собеседник говорил это с понятным раздражением, и чтобы немного разрядить ситуацию, я пошутил:

— Берия мог допускать, что на Северном полюсе вас могли завербовать американцы.

— Да он и не то придумал бы для обвинения честного человека, — уже поспокойнееотреагировал Папанин. — К примеру, Сталин не раз высказывался о том, что мы от Запада отстали на многие десятилетия, но это отставание должны преодолеть за 8–10 лет. И это была не утопичная идея, а вопрос жизни социалистического государства: либо мы это сделаем, либо нас сомнут... Сталин прекрасно понимал, что войны не избежать, что возможно придется оставлять врагу Украину с Донбассом, поэтому металлургию страны активно стали развивать за Уралом и в Кузбассе. Разве это не дальновидное решение?

...А что касается нашего героя, то Иван Дмитриевич Папанин все же добился своего: великолепный корабль для океанографических и других исследований «Академик Курчатов» был принят без изъянов, и наша страна получила его в срок. Впрочем, по-другому работать знаменитый полярник не мог.

